5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 35 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ МОСКВА. Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

БЫВШИЕ ЛЮДИ

Чан-Кай-Ши подал в отставку с поста главнокомандующего нанкинской армией.
У-Пей-Фу прибыл в Вансян с целью постричься в монахи.
Из газет

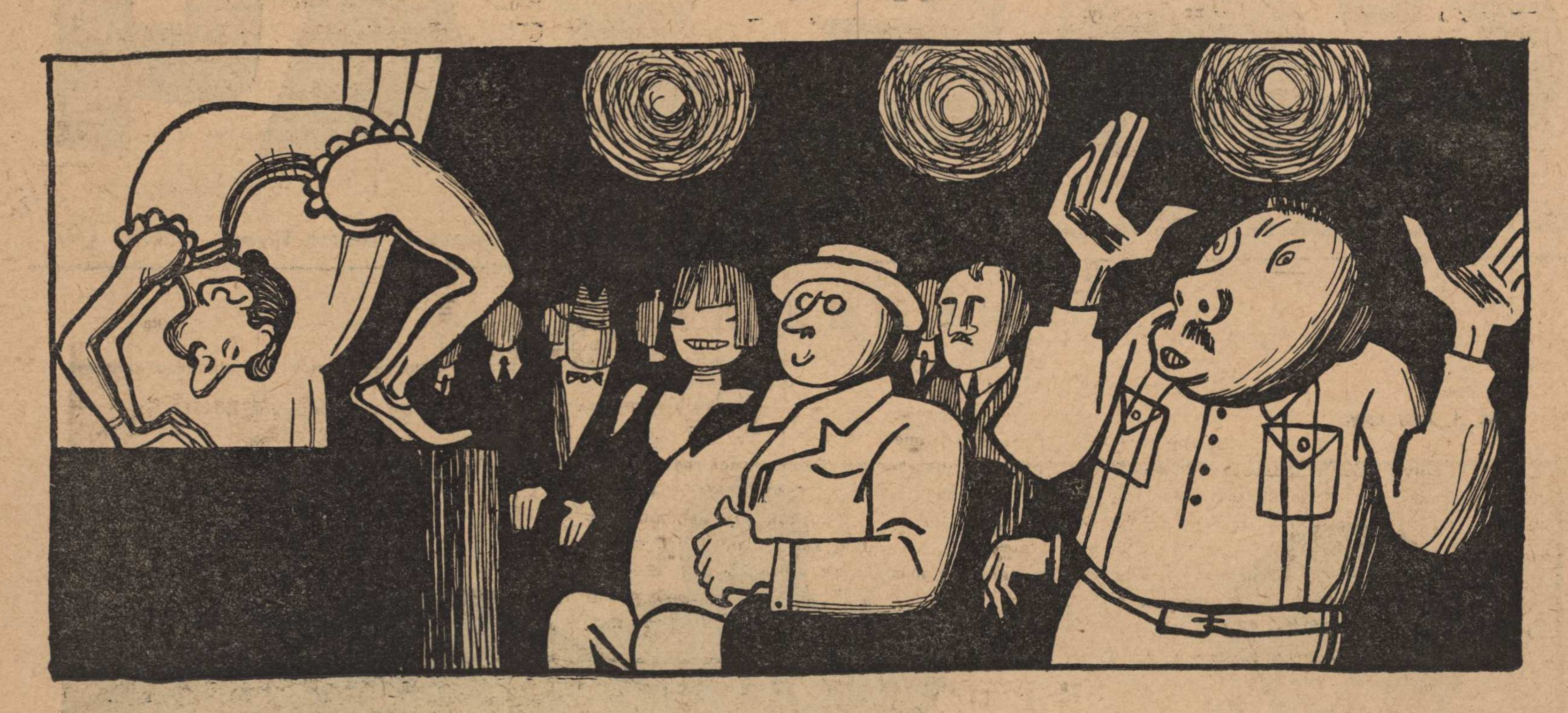
Рис. А. Радакова

ЧАН-КАЙ-ШИ: — Я никому не угодил... Вот и ушел в отставку.
У-ПЕЙ-ФУ: — Зато я всем угодил: пошел к монахам.

ГДЕ НАЧАЛЬНИК?

Рис. Б. Малаховского

— Батюшки! Он же не в ту сторону изогнулся. Вот дурак.. А небось служить хочет!

СВЕЖО ПРЕДАТЕЛЬСТВО...

Депутат парламента, всеми уважаемый и почтенный человек, владелец огромной плеши и несварения желудка, депутат парламента, он же один из несмываемых лидеров ветхой социалистической партии, с утра засел писать для газеты „Спокойная борьба".

Депутат пишет. Тише! Тише! Телефонные трубки сняты. Опущены тяжелые шторы окон, чтобы с улицы не врывались дикие возгласы какой-то рабочей демонстрации, против чего то там демонстрирующей.

К обеду статья была готова.

В антракте между первым и вторым блюдом, депутат самодовольно кашлянул, вытер салфеткой рот и сказал жене:

— Я сегодня опять написал талантливую статью. Получилось очень живо и вместе с тем научно обосновано.

Очень боевая статья. Можно себе представить, какой взрыв негодования она вызовет среди коммунистов!

В этой статье я намечаю основы классовой борьбы. Все старые приемы устарели. Надо итти в ногу с веком. Надо приспособить классовую борьбу к новейшим усовершенствованиям техники и науки.

Я приведу тебе, милочка, несколько убедительных примеров. Представь себе какой-либо момент острой классовой борьбы. Все наше красноречие исчерпано. Рабочие рвутся захватить вокзал. Но тут, сама понимаешь, возможно несчастье: дежурный по станции, например, может сотавить протокол за нарушение порядка и общественной тишины.

Что же я предлагаю? Вокзалы надо захватывать демократическим образом, не революционным, а эволюционным порядком.

Техника нашей страны настолько велика, что на каждом вокзале в настоящий момент имеется несколько автоматов для перронных билетов. Вместо того, чтобы, подобно некультурной черни ломиться в двери вокзала, мы спокойно занимаем очереди у автоматов, берем билеты и тихо выходим на перрон.

Там за наши деньги мы, не нарушая ничьего спокойствия, постоим минут пятнадцать, ну, двадцать, а потом расходимся по домам. Не правда-ли, все так хорошо предусмотрено?

Кроме того в моей статье обращено серьезное внимание на охрану благоустройства городов. Возьмем такой пример. Полиция разгоняет рабочую демонстрацию. Пущены в ход резиновые палки и даже пули „дум-дум". Безоружные рабочие начинают разбегаться. Полиция за ними. Рабочие бегут. Полиция за ними.

Вдруг городской сквер. Рабочие — через забор, по траве, по цветочным клумбам. А ведь на сквере, черным по белому, написано: „Вход воспрещен".

Сквер еще вообще не открыт для публики. А кроме всего прочего: разве достойно социалиста прыгать через забор?

Как же быть? Надо отдаться в руки полиции. Революция требует жертв. А история осудит полицию...

Или возьмем, к примеру, стачку. Надо ее так проводить, чтобы не нарушить мирного течения жизни... В чем дело? Почему так долго не подают „второго"?

Жена депутата смущена:

— Сегодня у нас только одно блюдо, мой милый. Прислуга участвует в забастовке протеста против казни Сакко и Ванцетти...

Смехач

ТАКОЙ ЗАПАХ

Я хотел писать сегодня о железе и о стали,
О банкирах и министрах, о труде и капитале,
Но под темным абажуром деликатным полуваттом
Усыпляло мне невольно каждый фибр и каждый атом.

И в лирическом шаблоне рисовались в сладкой лени
Светотени — и ступени — и сирени — и колени —
И созвучья собирались в задушевные аккорды,
И не лезли, хоть ты тресни, ни банкиры, ни милорды.

Я сидел часа четыре. От усилий рожа вспухла.
Вдруг... без „вдруга" невозможно... Электричество потухло.
И убогим желтым светом расцветив пустые стекла,
Керосиновую лампу принесла старуха Фекла.

Ну, и словно весь лиризм мой языком слизнуло псиным!
Зачадило... Закоптило... Завоняло керосином...
И растаяли созвучья... И расстроились аккорды...
И полезли Детердинги, и Рокфеллеры, и Форды!

Нефть! Основа провокаций, войн, и казней, и предательств,
Тюрем, каторг, ссылок, пыток, беззаконий, надругательств,
Беспардонная, глухая, вероломная трясина —
О тебе я вспомнил снова, слыша запах керосина.

Вот теперь, вспоенный злобой, напишу уж я на совесть...
Эй, читатели, хотите потрясающую повесть,
Без лирических шаблонов, без приевшегося штампа —
Где мне будет, вместо Музы, керосиновая лампа?!

А. д'Актиль

ТРАГЕДИЯ ЧЕСТНОГО

(Рассказ предревизкома)

Почему я отказываюсь от выборных должностей в жилтовариществе? А вот почему.

Был я, братцы. Был на выборной должности. Председателем ревизионной комиссии. Ну, все шло ничего до лета. А летом начался у нас ремонт. Меня же вдобавок и в строительную комиссию выбрали. Тут уж, знаете, пошло беспокойство... Всякие заявления: тому то почини, тому это... Ну, что ж... Почему не починить, если ссуды хватит... Члены правления, конечно, себе в первую очередь ремонт наметили... Но я сам, чтобы не было потом попреков, решил отказаться от всякого ремонта...

— Чего вы стесняетесь?— удивлялись члены правления.— Ведь у вас в передней пол провалился, клозет не в порядке... В кухне опять что-то...

— Нет, не надо! Не люблю я, когда потом говорить станут: „Вот— председатель ревизионной комиссии, так и наремонтировал себе"... Нет, ну их! С нашей несознательной публикой нельзя...

— Так ведь мы же бесплатно работаем!.. Неужели нельзя за это хоть ремонту себе побольше сделать?..

— Нет, ну их к чорту!..—отмахнулся я.

Дома жена беленилась и ерепенилась:

— Работаешь задаром, а нужника починить не хочешь! Пол в печке никуда не годится, сегодня чугун со щами опрокинула...

— А если потом „ведра с помоями" на нас опрокидывать будут, то это лучше?.. Нет, уж спасибо, матушка! Не тебя, а меня костить-то будут!..

— Ну, дурак ты после этого, коль на всякую брехню обращать внимание будешь!

Так представьте, разозлилась на меня, что хоть разводиться готова. „Не муж ты", говорит, „а тряпка!" А я как раз наоборот был: не тряпка, а крепок, как гранит. Как ни уговаривали, ни соблазняли меня, я все-таки остался верен себе: ни малейшего ремонта себе не произвел. Хоть другие „выборные" почему-то и косятся на меня и жена со мной не разговаривает, а зато — душа спокойна! Пускай-ка, мол, попробуют придерутся ко мне! Не к чему!.. Вон, видите, даже крысью нору не заколотил... Буквально ни гвоздя не потратил...

Ну-с, наступил день общего собрания, на котором отчет о ремонте зачитан был... Была прочтена ведомость, в которой сказано, что в какой квартире сделано... И все слышали, что в моей квартире (единственной изо всех) не сделано ничего!..

С гордо поднятой головой и честно глядящими глазами вышел я с собрания. Но дома, из окошечка уборной, выходящего в сени, услышал следующий разговор:

— Ревизионный председатель то у нас... Ничего себе не сделал!..— сказал кто-то, как будто с иронией.

— Потому что — жулик первого сорту!— ехидно произнес другой.— Нажился небось на ремонте-то, а „для отвода глаз" и не сделал себе ничего... Знаем мы этих честных-то!..

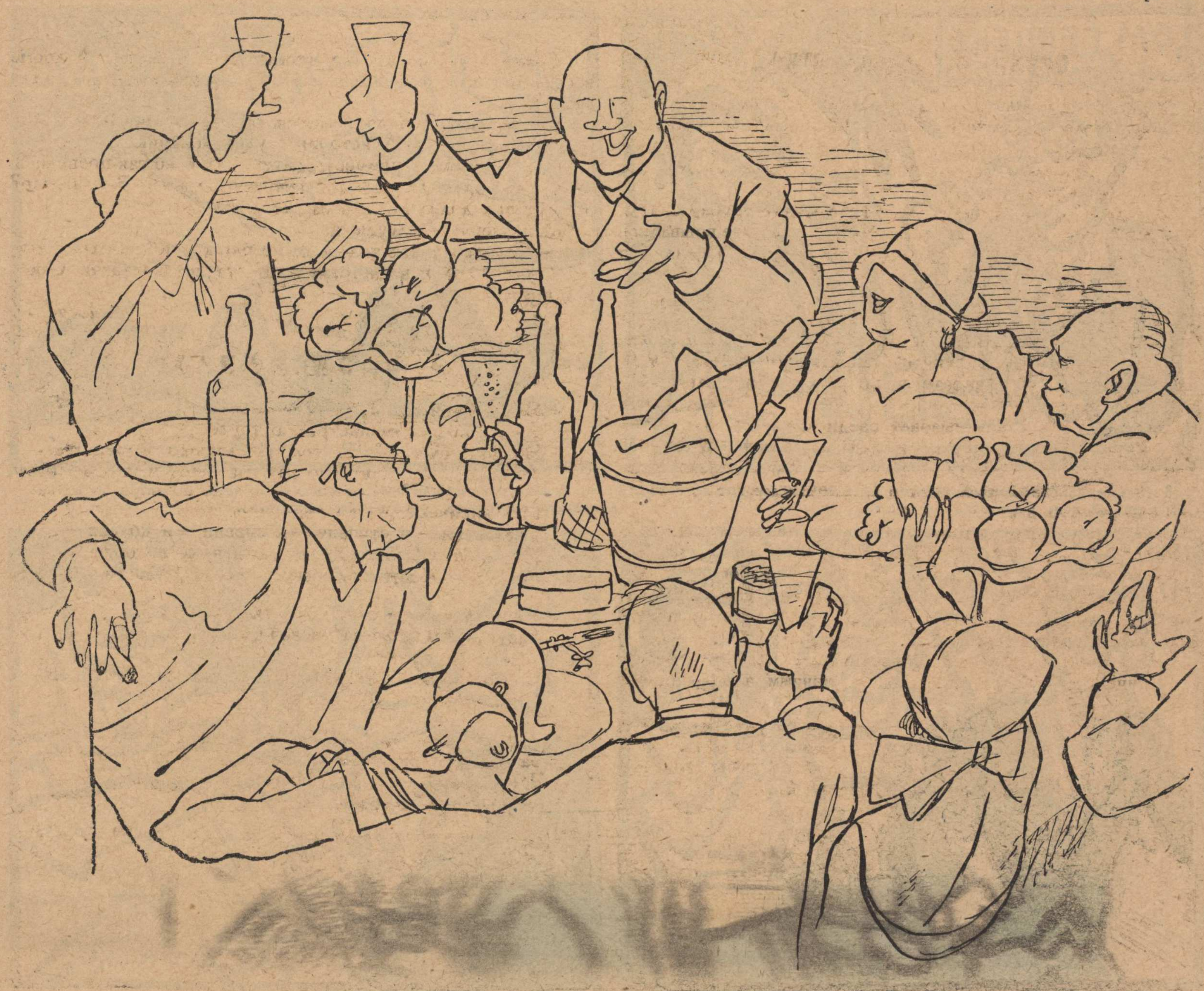
— Да это понятно!.. Разве задаром будет кто работать?!..

Так вот какая трагедия, братцы... Чего же вы меня в председатели правления суете? Спасибо! Кушайте сами!..

Ф. Благов

ПРОТЯЖНОЕ УРА!

Рис. М. Черемных

— Первый бокал шампанского мы выпьем за уменьшение накладных расходов!

УЖАСЫ ЦЕНЗУРНЫХ ЗАСТЕНКОВ

В русской эмигрантской печати появилось и рядом иностранных газет перепечатано обращение, исходящее якобы от „группы русских писателей из советской России“. Оно „обличает“ „ужасы цензурного террора“ и предостерегает „писателей мира“ против „советской заразы“.

Рис. Н. Радлова

1. ...Едва открыв глаза, советский писатель убеждается, что его поместили в подвал.

2. Жуткая мысль почти ежедневно терзает его мозг:
— Зарежут или не зарежут?

3. Издевательство над советскими писателями доходит до того, что им каждый день затыкают рот.

4. Вслучае чего советских писателей, даже несмотря на их болезненное состояние, упекают подальше.

5. Советского писателя преследуют.

6. Но нигде так не режут советских писателей, как заграницей, где в любой белогвардейской редакции вооруженные ножницами сотрудники вырезают из советских газет бесконечное количество интересного материала!

ВЕЛОСИПЕД С ИСТОРИЕЙ

История эта началась во вторник, ровно в 10 часов 5 минут утра.

Солнце сияло, на углу ругались извозчики, куда-то бежал местный священник о. Иннокентий Футбол.

По главной улице неожиданно показался велосипед. На нем сидел и честно вертел ногами счетовод наробраза тов. Карпуша.

Улица была пуста, но душа счетовода была полна гордостью и другими переживаниями и потому он беспрерывно тискал рожок, который по сему случаю издавал дикие звуки.

— Какой я умный,— упорно думал Карпуша.— Два года копил деньги и вот теперь у меня новенький вело...

— Эй, гражданин, остановитесь!

По улице разлилась дробная трель милицейского свистка.

Карпуша соскочил грациозно с велосипеда, рукавом кремовой рубахи вытер лоб и вежливо улыбнулся подошедшему к нему милиционеру

— Гражданин! Без номера кататься невозможно. Платите три рубля.

— Да я же еду в комхоз регистрировать велосипед.

— Куда вы едете, нам может быть неизвестно. А велосипед без номера — факт. Платите.

— Да как же платить, когда...

— А так и платить: вы мне — деньги, а я вам — квитанцию.

Этакая способность милиционера к логическому мышлению окончательно повергла в уныние жизнерадостного Карпушу. Тяжко вздохнув, он уплатил штраф, вскочил на своего стального рысака и повернул обратно домой.

— Поставлю велосипед у себя в комнате,— думал он с грустью, не забывая при этом подавать сигналы,— пешком пойду в комхоз, а уже вечерком покатаюсь. Ничего!

— Эй, гражданин, оста...

Свисток радостно провозгласил о том, что болотинская милиция не спит и не дремлет и дело свое знает.

— Я знаю, товарищ милиционер, что я без номера, но...

— Вам, гражданин, номер не обязателен. А вот велосипеду вашему нужен. Платите три рубля.

— Я же только что уплатил постовому на Советской. Вот даже квитанция. Еду домой.

— А вы думаете, гражданин, что ежели вы уплатили на Советской, так можете без номера раз'езжать по Садовой? Три рубля.

Никакие разговоры не помогли. Карпуша уплатил штраф. Он одному только был рад; вчера жалованье получил. А что если бы не было денег у него? Пришлось бы плестись с позором в район.

До своей квартиры Карпуша с велосипедом добрались без особых приключений.

Поставил Карпуша велосипед в комнате, нажал для собственного развлечения рожок, с удовольствием сплюнул и побрел пешком в комхоз.

— Прошу зарегистрировать мой велосипед.

— А?

— Велосипед зарегистрировать.

— Чей?

— Мой.

— Ваш?

— Да.

— Подайте заявление.

Написал Карпуша тут же заявление, подписал, сделал завитушку, поставил точку и подает.

— Это что такое?— спрашивают.

— Заявление.

— О чем?

— О регистрации велосипеда.

— Чей велосипед?

— Мой.

— Не так написано. Надо, молодой человек, по форме. Для этого существуют печатные бланки.

— Дайте, пожалуйста, печатный бланк.

— Не держим. Найдите где-нибудь в другом месте.

— Где же именно?

— Попробуйте поискать в финотделе. Может быть, там найдется.

Пошел неутомимый Карпуша в финотдел, достал там бланк, заполнил его и прибежал в комхоз.

— Вот.

— Это что такое?

— Заявление по форме.

— О чем?

— О регистрации велосипеда.

— Чей велосипед?

— Мой.

— Сегодня поздно, приходите завтра.

Ночью счетоводу снился велосипед, на котором сидит он, Карпуша, гордо озираясь по сторонам и не держась руками за руль. На тротуарах стоят восхищенные жители Болотинска и среди них в новеньком платье Маша Белокурова, регистраторша. Велосипед весь утыкан номерами, и милиционеры, завидев Карпушу, берут под козырек...

Утром, прямо натощак, Карпуша, зачарованный ночными виденьями, побежал в комхоз.

— Зарегистрировать велосипед? Можно. А где же ваш велосипед?

— Дома.

— А может быть дома у вас не велосипед, а корова? Или, скажем, моторная лодка?

— Нет, велосипед. Честное слово!

— Не видим его. Не знаем.

— Да как же мне его провести, когда он без номера? На штраф наскочишь.

— Ваше дело!

Всю ночь не спал Карпуша. Чтоб не уснуть, пил крепкий чай и зубрил наизусть „Евгения Онегина". Как только Татьяна кончила письмо, Карпуша взял велосипед и вышел с ним на улицу. Темно. Не видать ни зги, ни милиционера. Тихонько, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к каждому шороху, шел он мрачными узкими переулками, пробираясь к комхозу. Вдали, у пруда квакали лягушки, где-то старательно, с надрывом, лаяла собака.

Карпуша все шел и шел, подталкивая велосипед...

Рано утром, до начала занятий, у ворот комхоза старый Фаддей нашел спящего счетовода, к ноге которого толстой веревкой был привязан велосипед.

Г. Рыклин

НЕФТЯНАЯ ПАНАМА

32 заведующих нефтелавками осуждены за систематический обмер покупателей.

Рис. А. Радакова — *Из газет*

— В тридцать вторую лавку захожу — нет заведующего. Говорят — на заседании. Это на каком же?

— На судебном, гражданин.

НАШИ ОТВЕТЫ

(Для готовящихся к конкурсным экзаменам во все ВУЗ'ы)

Географисту. Балтимора — общепринятое в Америке сокращенное название Балтийского моря. А французы — это такие немцы.

Антирелигиознику Можно ли считать божью коровку служителем культа? — Ни в коем случае: она красная.

Е. К. Если техническая комиссия выразилась о состоянии вашего дома последними словами, то это не значит, что дом — последнее слово техники.

Будущей знаменитости. „Правильно ли я пишу: билетристика?"

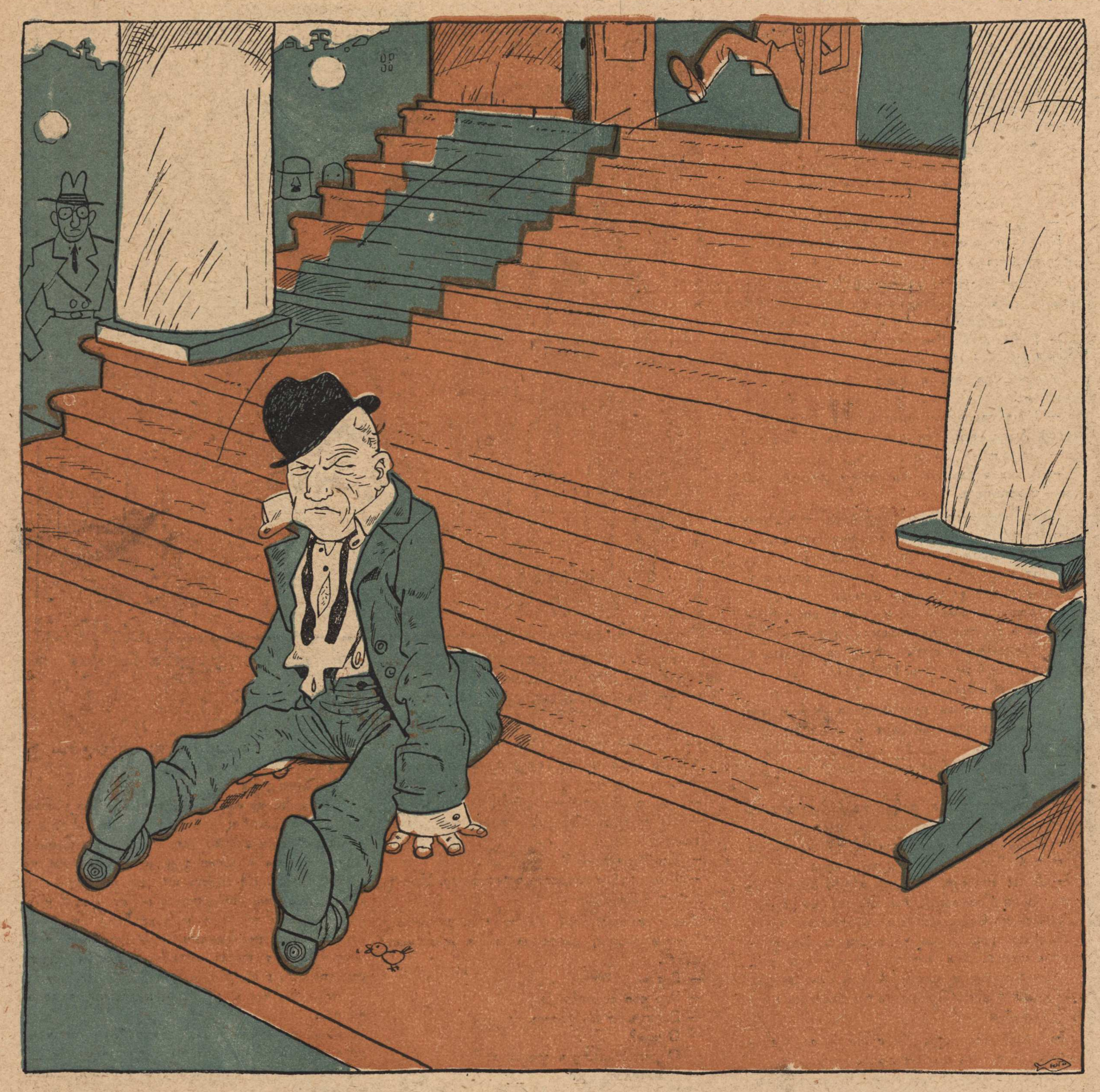
— Ни правельно!

Маноля

ТОНКИЙ НАМЕК

Рис. Ю. Ганфа

Ввиду принятого в руководящих кругах амстердамского Интернационала решения избавиться от слишком скомпрометированного секретаря Удегеста последний выступил с заявлением, что поскольку он не пользуется единодушным доверием конгресса,—он решил выйти из состава секретариата

УДЕГЕСТ: — Кажется, мне намекнули, что мое присутствие здесь не безусловно необходимо...

ДРАМА РАБФАКОВЦА

В обширном зале
Ему сказали: —
— Скворцов, слыхали,
В четверг зачет?..
Бедняга Мишка
Притих, как мышка: —
— Не сдашь, мол, крышка!
Такой подход.

Момент был жуток.
Прилежен, чуток,
Зубрил пять суток
Аттиллы власть.
Пусть давят грузы,
Не снять обузы.
— Теперь, брат, Вузы
Сжимают, страсть!
Долбил ужасно!
Запомнил ясно.
Все знал прекрасно.
Пошел сдавать
И вдруг в газете
Прочел: у Пети
Доклад в Совете
И тоже в пять!
Скворцов растерян.
Он не уверен,
Что будет верен
Петра доклад.
Чорт с ним, с зачетом!..
И к партработам
Летит он лётом,
В Совет назад.
В Совете — печка.
На ней дощечка.
Мерцает свечка.
Стоят слова,—
Что „расшатался“,
Что „не являлся“,
Что „оторвался“
Скворцов М. А. ...
Скворцов — в лазейку;
Летит в ячейку,
Чтоб всю семейку
Ругнуть слегка.
Его встречают
И отвечают,
Что „знать не знают“!..
Все — ЦКК!!
Дела — делишки!..
Везде, мол, шишки!!
Но вспомнил Мишка: —
Зачет был в пять.
Набравшись силы,
В тоске унылой,
Он власть Аттиллы
Пошел сдавать.
В рабфаке — печка.
На ней дощечка.
Мерцает свечка.
Стоят слова: —
Что „отлучился“,
Что „провалился“,
Что „исключился“
Скворцов М. А.

Юрий Фидлер

БРАТЬЯ ВО ХРИСТЕ

Рис. Ив. Малютина

В Довнине из одной бочки разливалось шесть сортов вин под разными названиями и разной расценки.

Из газет

— Легко было Христу из воды вино делать! А попробовал-бы он из столового № 2 сделать портвейн № 11...

ДАРОВИТАЯ ДЕВУШКА

Сколько их, куда их гонят...

А. С. Пушкин

Часто, глядя на студента Хведорова мерцающим взглядом, Кусичка Крант говорила:

— Знаете, Хведоров, я решила посвятить кино всю, всю жизнь.

— И напрасно,— угрюмо отвечал студент,— всю жизнь это очень много. Посвятите ему лет 10—15, а больше не посвящайте.

— Нет. Вы все шутите, а я серьезно. Я создана для экрана. Не правда ли, у меня фотогеничное лицо?

— Фотогеничное-то оно фотогеничное, только что от того толку. раз на нем бороды нет.

— К-какой б-бороды?

— Обыкновенной. Из волос. Теперь, я слышал, фотогеничные лица без бороды не в ходу.

Кусичка Крант морщила малообещающий лобик и задумывалась. Потом облегченно вздыхала.

— Так то у мужчин. А я женщина.

— У женщин тоже. Я знаю. Мне один король режиссеров говорил. Ей-богу.

— Нет. Вы все шутите, а я серьезно... Вы, Хведоров, не любите кино. Это ужасно.

— Не люблю, Кусичка. Уж такой я человек. Бесчувственный. Горбатого, как говорится, могила исправит.

— Как это исправит горбатого? Разве горб у горбатого можно исправить?

Студент Хведоров пристально смотрел на Кусичку Крант. Ее глаза честно и доверчиво смотрели в студентовы — лживые и хитрые.

— Видите ли, этот способ лечения горбатых граждан ведет свое начало с XI века. Делается это очень просто. Роют яму. Потом сажают в нее горбатого человека и засыпают землей. Через недели две яму разрывают и вынимают оттуда пациента. И что же? Горба и в помине нет.

— Вы шутите!

— Серьезно!

* * *

Когда Кусичка окончила кино-студию, ее жизнь резко изменилась.

Кусичка вставала в шесть часов утра и отправлялась на кинофабрику. Возвращалась поздно вечером усталая, голодная, но торжествующая.

— Ну, как ваши дела?— спрашивал Хведоров вежливо,— снимаетесь все?

— Еще как.

— Небось, от этих „Сатурнов“ глаза болят?

— Каких там „Сатурнов“?! Вы с ума сошли! От „Юпитеров“... Нет, не болят. Привыкла.

— Ну, как там на фабрике? Хорошо?

— Ого!

— Кадры большие?

— Ничего себе. Спасибо.

— Диафрагма не побаливает?

— Вы с ума сошли! Вы знаете, что такое диафрагма?

— Не знаю.

— То-то. Раз не знаете, не говорите.

— Я ничего такого не говорил... Ведь я, собственно говоря, не питаю против диафрагмы никакой вражды.

— То-то.

— А режиссер хороший?

— Ничего себе. Крепкий режиссер.

— Вероятно, страдает от „наплыва“?

— От него нельзя страдать. „Наплыв“— это кино-прием.

— Ну, это смотря какой наплыв. Если наплыв кино-артистов, то от него даже запрещенные приемы бокса не помогут.

Перл студентова остроумия пропал зря. Кусичка задумчиво смотрела на потолок и морщила лобик. Видно, о чем-то мучительно думала

— Скажите,— спросила она нерешительно,— как добывается стекло? Оно... ископаемое?

— Это смотря по тому, какое стекло. Бутылочное, например, добывается из глубины моря. Водочные рюмки тоже. Ископаемые.

— А электрические лампочки?

— Растут,— твердо сказал студент,— на деревьях.

— Серьезно?

— Ей-богу. Есть такие деревья. В Америке. Возле Холливуда. Их так и называют — электрические скаты А почему вы спросили?

— Так... Я на фабрике нечаянно разбила лампочку. Во время съемки.

* * *

Съемка картины подходила к концу. Приближался день, который должен был принести Кусичке Крант славу и доллары. Кусичка стала нервничать.

— Скажите, Кусичка,— осмелился как-то спросить студент,— вы снимаетесь в комедии или драме?

— Ведь вам, кажется, известно,— сухо ответила она,— что у меня комедийное дарование.

— Значит, в комедии?

— Угу.

— А как называется картина?

— Глупый вопрос. Всему миру известно, что картина называется „Приключения портного Фитюлькина“, по сценарию Шершеляфамова, Михаила Гнидова и Константина Бруцкуса, а вы... Отстаньте.

В последние дни перед премьерой „Портного Фитюлькина“ Кусичка нервничала. Студент заметил, что веки ее покраснели и она часто сморкалась.

— Бодритесь,— сказал он ей, — Дантон, всходя на эшефот 18 бумеранга, встретил смерть бодро.

— Так то Дантес,— сказала она упавшим голосом,— а я девушка.

— Я в этом никогда не сомневался!— ответил студент галантно.

* * *

В кино-театр пришли за час до начала сеанса.

— А знаете,—заметил студент Хведоров вскользь,—вашей фамилии почему-то нет на афише. И Мяссохладобоева есть, и Глупского и даже какой-то Сидоровой, а вашей нет.

— Интриги.

— Скажите, какая наглость!— посочувствовал Хведоров.

— От них все станется!— злобно сказала Кусичка,— однако, идемте в зал. Сейчас начнется.

Потух свет, и на экране добросовестно завертелся портной Фитюлькин. Он шил рясу какому-то явно антирелигиозному попу, разнообразя это привычное его профессии занятие ухаживаниями за дочкой ответственного товарища.

На полотне было все: и приближающийся поезд, и рельсы, и бешено вертящиеся колеса, и заводские трубы, и красивый деревенский пейзаж, и попадья ан-фас и в профиль, и голый портной Фитюлькин на пляже в Крыму, и кавказский хребет... Не было только одной Кусички Крант. Не было ее ни в первой, ни во второй, ни в третьей части, как равно не было ее в четвертой, пятой и шестой.

Один только раз, когда на экране мелькнули чьи-то, взятые крупным планом ноги, Кусичка ущипнула студента за локоть. Но продолжалось это одно мгновение.

Так как частей было всего шесть, студент Хведоров и Кусичка Крант пошли домой.

— Ну-с, дорогая моя, — сказал студент,— что вы можете сказать по поводу этой картинки?

Кусичка молчала.

— Почему же вы молчите? Что касается меня, то я в восторге. Ваше лицо, освещенное яркими „юпитерами“, показалось мне весьма фотогеничным. Вы играли с большим мастерством. Очевидно, занятия в студии сослужили вам не малую службу. Диафрагма вам несомненно благоприятствовала, несмотря на несколько резкий наплыв и интриги негодяя режиссера... Сегодня вечером я положительно полюбил кино... Кстати, лампочки на деревьях не растут, а выдуваются из стекла, которое отнюдь не добывается, а изготовляется из песка и прочей дряни... Не ревите... Стыдно реветь в семнадцать лет. И потом эти драмы вам не к лицу. У вас, если не ошибаюсь, дарование комедийное...

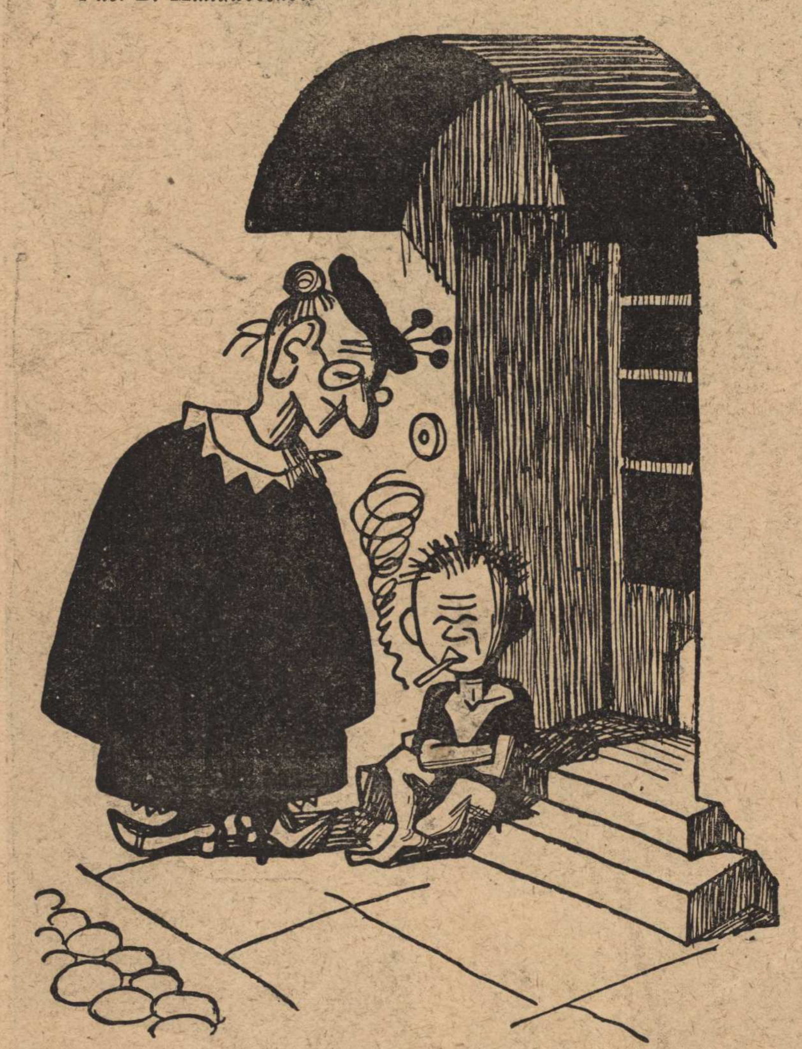
— Я... б-больше н-не б-буду!— прошептала Кусичка Крант.

— То-то,— сказал студент Хведоров смягчившись,— а теперь идите домой и положите на голову холодный компресс. Завтра я вам принесу географию и обществоведение. Если вы посвятите им всю, всю жизнь, из вас еще может выйти толк.

Евгений Петров

НЕ МЕШАЙТЕ ЗАНЯТОМУ ЧЕЛОВЕКУ!

Рис. Б. Малаховского

— Идем, мальчик, я тебя накормлю.

— Проходи, проходи, бабка! Я на стреме стою: наши ребята в квартире работают.

ТА-РА-РАМ, ТА-РА-РИМ, ТА-РА-РАМ-ТА...

Рис. М. Черемных

— Ах, и здорово же поют „Новую деревню"! Мне, как председателю шефской комиссии... ик... это особенно отрадно слышать...

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Некоторые писатели, увидев свои книги приспособленными в качестве конвертов для селедок, приходят в уныние. Поэт Н. Ушаков („Молодая Гвардия“, № 8) относится к писателям другого толка: увидев на базаре „соленое рыбье“, которое было заворочено в ушаковские стихи, он... чрезвычайно обрадовался этому случаю:

Милая тупорылая сельдь
В газетном простом конверте!
Запомнил месяц и день — отсель
Началось мое бессмертье.

Давно известно, что карась любит, когда его жарят в сметане. Теперь станет известно также и то, что селедка любит, когда ее заворачивают в стихотворения Н. Ушакова.

*

В той-же книжке журнала „Молодая Гвардия“ находим „Балладу о конторщиках“ С. Кирсанова.

Он, — рассказывает С. Кирсанов об одном конторщике,—

Читал рассказы Зощенки
И поступил в конто щики.
Состарился, пришел конец —
От райских вр т гонец,
И оборвалась жизни нить,
Пора похоронить.

„Пора похоронить“ также и росказни о конторщиках, которые „на заре своей юности“ читали рассказы Зощенки!

Наш сотрудник Зощенко — совсем еще молодой человек, пишет всего несколько лет, и в ближайшем будущем его рассказы будут систематически появляться на страницах „Смехача“.

*

Мих. Голодный вещает в 8-й книжке „Нового Мира“:

Вновь смогу я на лавочку выйти,
По разбойному гикнуть: го-го.
Вот он—дворик, где я знаменитей,
Чем во Франции Виктор Гюго!

Поэты такого калибра, как Мих. Голодный, могут считать себя знаменитей, чем Гюго, — только тогда, когда они крепко спят. Во сне какая только несуразность не померещится?

Неправду говорят, что „Голодному не спится“...

*

В „Красной Ниве“ (№ 13—1927) Вера Инбер уверяет:

Обычно лестницы всегда скрыты в глубине дома, как пищевод в горле.

А где скрыт, по новым инберовским изысканиям в области анатомии, мозг?

Не иначе, как в кишечнике, надо полагать.

*

В № 186 „Вечерней Москвы“ в отделе „Что случилось за день“, читаем сенсационное известие с совершенно неожиданным концом:

Жертвы автобуса

Быстрая езда автобусов, а также и неосторожность прохожих ежедневно дают 18 августа Вечерка Будников № 3

Только вместо „Жертвы автобуса“ следовало-бы поставить наиболее подходящий к содержанию заметки заголовок, а именно:

„Жертвы корректуры“.

ИЗМЕНИЛ

Рис. Б. Антоновского

— Еще так недавно ты называл меня незаменимой, а теперь сокращаешь!..

ЭПИДЕМИЯ

Люди понемножку сходят с ума.

Они бродят, как зачарованные, и бормочат загадочно и мечтательно:

— А если через Каму—Пермь в Троицк? А если через Кучум—Базар в Ахалкалаки? А если в Очимгиры? Или в Лимениз, Какенеиз, Симеиз...

Телеграфистка Сонечка Шлякбаум, которая каждое лето преспокойно уезжала в отпуск к тете в Самару, теперь по ночам мечется в постели и плачет тихими отравленными слезами:

— Куда? Да, господи, куда же? В Ахалкалаки? В Судак? В Очимгиры? А почему в Судак? Почему? Господи, какая мука!

Ночь темна. И никто не видит девичьих слез, соленых, как море Судака, и горячих, как пески Ахалкалаки...

Но двугое дело — счетовод Фефелов.

Счетовод Фефелов—человек положительный и вдумчивый. Он покупает географическую карту и, придав своему не очень умному, но симпатичному лицу выражение жадности проголодавшегося человека, садится к столу.

— Тэк-с,—говорит он полусладострастно — посмотрим!

Его крупные очки, похожие на колеса автобуса, склоняются над пестрой картой, испещренной кружками, точками, линиями и пунктирами. Скрюченный палец ползает от одной точки к другой, от большого кружочка к маленькому. Тонкие губы бормочат:

— Ташкент тоже не плохо... Ба! Да здесь недалеко Хива. Тоже не плохо!

Отпуск у счетовода Фефелова начинается через три дня. Но он не торопится. Самое приятное, это—выбирать место, куда поедешь.

Палец бегает по всей карте, едва догоняя огромные колеса, бегает, как выпущенный в поле жеребенок, — бесцельно и бессистемно, но весьма резво.

Из Персии он скачет в Олонецкую губернию. Из Боржома несется на Урал, из Гузуфа в Старую Руссу...

Когда вся карта из'езжена вдоль и поперек, Фефелов достает другую. И на этот раз уже скрюченный палец не знает никаких преград.

— „Карлсбад“... — бормочет счетовод. — Не плохо. А это — остров Таити. Любопытно все-же...

Каждый день, придя со службы домой, он раскладывает карты и покрывает своим пальцем тысячи километров, — моря, острова, океаны, перепрыгивает через хребты гор, проносится через пустыни... Чорт возьми, так интересно путешествовать!

Однажды он приходит на службу и, раскрыв огромную счетную книгу, спрашивает небрежно, между прочим:

— На острове Таити когда сезон?

Окружающие вздрагивают и с недоумением смотрят на него. И только машинистка Вера Сергеевна робко замечает:

— Там нет сезона. Там, кажется, живут одни обезьяны...

Счетовод Фефелов улыбается снисходительно и говорит:

— Дело в том, что я собираюсь туда ехать в отпуск...

Ему становится жалко этих недоумевающих людей, таких убогих, что фантазия не в состоянии унести их дальше Сочи или Евпатории, и он рассказывает им о Таити:

— Замечательное место, я вам скажу. Люди и животные ходят там совсем голые, даже без трусиков, и так загорают, что их принимают за негров...

— Там, верно, дует... сухум? — робко спрашивает Вера Сергеевна.

— Самум! — строго поправляет Фефелов.—И затем там дешево до смешного. Таитские дачевладельцы сдают комнаты курортникам по 5 рублей в месяц. С самоваром...

Все слушают с завистью, с восторгом, а конторщик Коков даже облизывается от зависти. Он, бедный, собирается всего на всего в Симеиз...

Счетовод Фефелов никуда не едет. Свои две недели он проводит на среднем Кисловском переулке над картой, и его скрюченный палец, пытаясь обогнать фантазию, как всбесившийся конь, носится по карте...

— Счастливец этот Фефелов — вздыхают на службе.—Вон куда его занесло. В какие-то Таити!

— Да он кажется не поехал,—замечает кто-то:—я его в воскресенье встретил в булочной.

— Ну и что же, что не поехал. А собирался-то куда,—в Таити!..

Целую неделю счетовод Фефелов—герой дня. Пока завистливый конторщик Коков не замечает однажды неуверенно, с горящими глазами:

— Думаю поехать в отпуск на тропик Рака...

И героем становится Коков.

Э. Гард

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Лошадь в отпуску

В Тульской губернии процветает хорошее отношение к лошадям. Собственно говоря, не во всей губернии, а только в Оболенском районе.

Живет да хлеб жует в Оболенском районе начальник районного адмотделения Пименов. Когда Пименов получил месячный отпуск, он распорядился дать такой же отпуск и лошади.

Как же лошадь проводит свой месячный отпуск? Купается? Загорает? Удит рыбу? Катается на лодке? Или, быть может, усердствует по части черемухи?

Ничего подобного. Она возит отдыхающего Пименова по всей губернии. Сами понимаете, что проводить отпуск таким образом — скучно. Единственное утешение: она продолжает и в отпуску находиться на казенных харчах.

И Пименов в отпуску, и лошадь в отпуску, а вот государственная казна в Оболенском районе не имеет ни одного дня отдыха: ее доят ежедневно...

Путевые наброски

Слыхали ли вы что-нибудь про Великолуцк? Да, про тот самый Великолуцк, который в Псковской губернии. Хороший город! Там даже в одном учреждении издается стенгазета „Пчела". И в ней напечатаны стихи:

Любовь ничто иное,
Как станция пути,
Приехал, отдохнул—
И станция прости!

А в станционном буфете автор этих стихов побывал? Какой наивный вопрос! Разве не чувствуется по стихам, что они написаны под влиянием „мерзавчиков"?..

Благовещенские грамотеи

В редакцию „Смехача" прислан конверт, на котором красуется необычная для 1927 года печать почтово-телеграфной конторы гор. Благовещенска: слово „Благовещенск" напечатано с буквой „ять" после „в".

Работу благовещенской почтово-телеграфной конторы мы никак не можем считать образцовой.

Это первый случай, когда „Смехач" шлет свой упрек тем, кто работает... на ять!

„ГДЕ КИРПИЧ ОБРАЗУЕТ ПРОХОД..."

На 60 миллионов кирпича, поставленных Мосстрою, бою оказалось 12 миллионов.

Рис Н. Радлова *Из газет*

— Ох! Велики наши трудности. Каждый новый дом дается нам с боем!

ТРАМВАЙ ПО МОСКОВСКИ

За последний месяц в Москве зарегистрировано свыше 150 случаев травматических повреждений, причиненных трамваем.

Рис. Б. Малаховского *Из газет*

— Кондуктор, остановите трамвай!

Осторожнее с лозунгами!

По городу Козлову Тамбовской губ., а также в мастерских и на ст. Козлов Ряз.-Ур. ж. д. в изобилии расклеены плакаты и лозунги, приуроченные к неделе обороны.

Один из таких лозунгов гласит:

> **НА ВОЗРОСШУЮ ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ НА ПОПЫТКИ ВРАГОВ**
> сорвать социалистическое строительство
> **ответим дружной борьбой с обывательским благодушием ко всякой работе.**

Благодушие ко всякой работе не такая уж плохая вещь; гораздо хуже — равнодушие ко всякой работе.

И такие лозунги приурочены к неделе обороны!

Хорошо бы организовать неделю обороны против безграмотных лозунгов и бездарных плакатов!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В пространство — Нине Новиковой.

Что за время наступило
И чорт его знает,
Баба в шляпе и манто
К себе зазывает.

Смело теребит красотка
Меня за рукав
И щебечет: „Как я рада,
Что ты пришагал!"

Мы с красоткой диаметрально расходимся во взглядах: мы не особенно рады, что вы к нам „пришагали"!

И. В. П—му.

Идет обратно,— тра-ля-ля...
Панель... О, счастье! Три рубля!

Какой, однако, вы скупой: ну, что за находка—три рубля! Написали бы так:

Идет обратно,— трей-ле лей...
Панель... О, счастье! Сто рублей!

Чарджуй — Ф. Миронову.

Тихо двери отворяю.
Что случилось,— сам не знаю.
Провалилась вдруг стена,
И явился Сатана.

Я, было, перепугался,
Но сейчас же догадался:
Знать, я нужен Сатане,
Что явился он ко мне.

Сатана, однако, запоздал к вам притти: чтобы ему явиться к вам хотя-бы за полчаса до того, как вы послали в „Смехач" свое стихотворение?

Самара — А. Смирнову.

В вашем стихотворении „Пусть работают,— не жалко" есть такая строчка:

Трубы чистят трубочисты.

Удивительно метко схвачено!

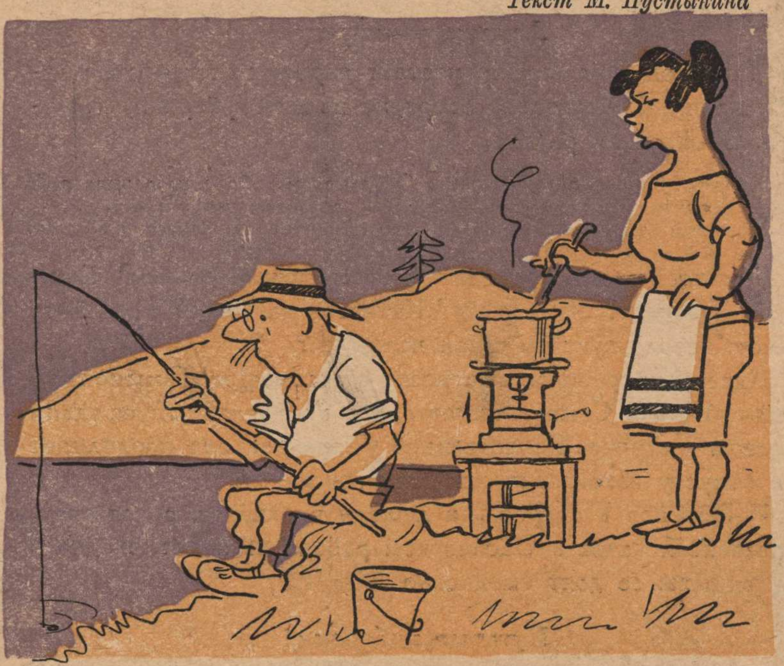
Издатель—«ГУДОК». Отв. редактор—И. Н. Пирогов.
Главлит № 95.977. Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский п., 11. Тираж 110.000.

СИХ ДЕЛ МАСТЕР

Рис. Н. Радлова *Текст М. Пустынина*

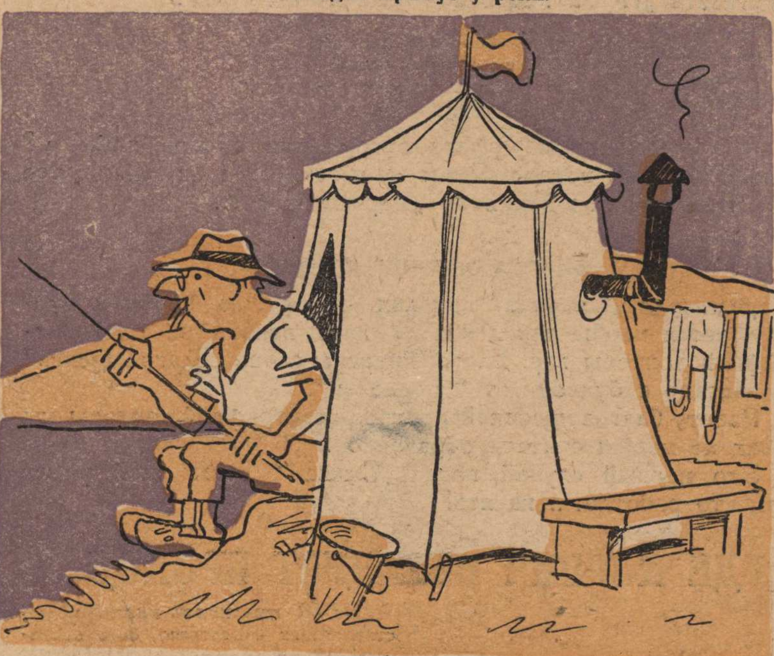
1. Жена, вниманье обнаружа,
Обедать умоляет мужа.
Хоть и мила, хоть и нежна,—
Увы, не действует жена!

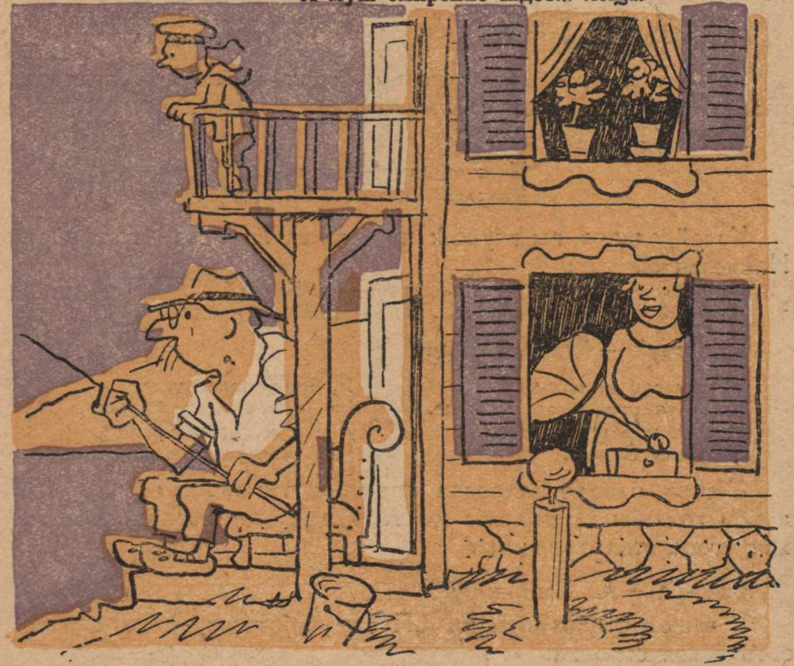
2. Неумолим сердечный, ибо
Ему всего милее—рыба.
Жена, привычке вопреки,
Разводит примус у реки.

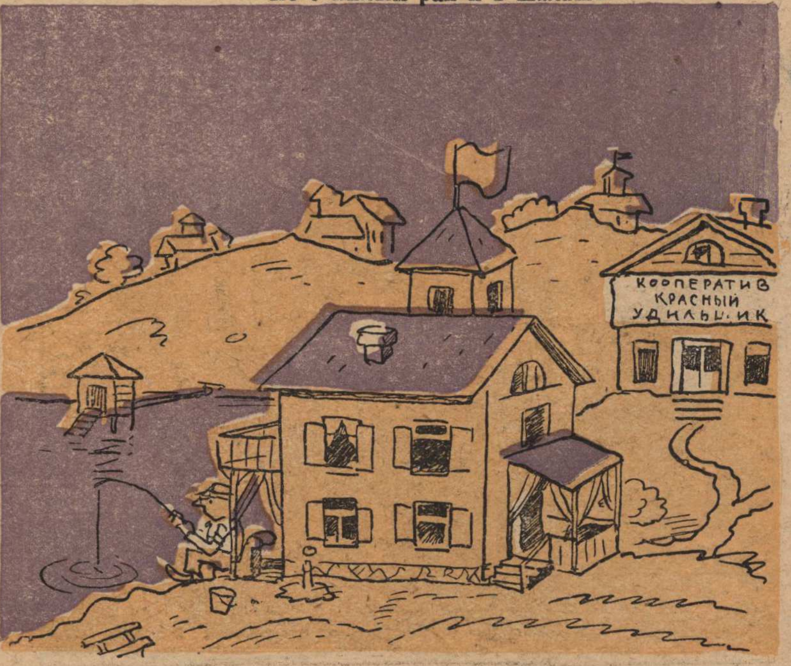
3. Проходят дни... Уже спросонок
Орет родившийся ребенок...
Мать смотрит в люльку, трепеща,
А муж смиренно ждет... леща!

4. Жена, не дав сорваться слову,
Шалаш воздвигла рыболову,
И хоть тоска в ее душе,
Но с милым рай и в шалаше!

5. Такие рыболовы редки:
Он ловит рыбу—на кушетке!
Уж вырос новенький этаж,—
Его позиция все та-ж!

6. Да, срок уженья рыбы—долог...
Уже вокруг шумит поселок,
А рыболов на все плюет:
— „Потише! Кажется, клюет!.."